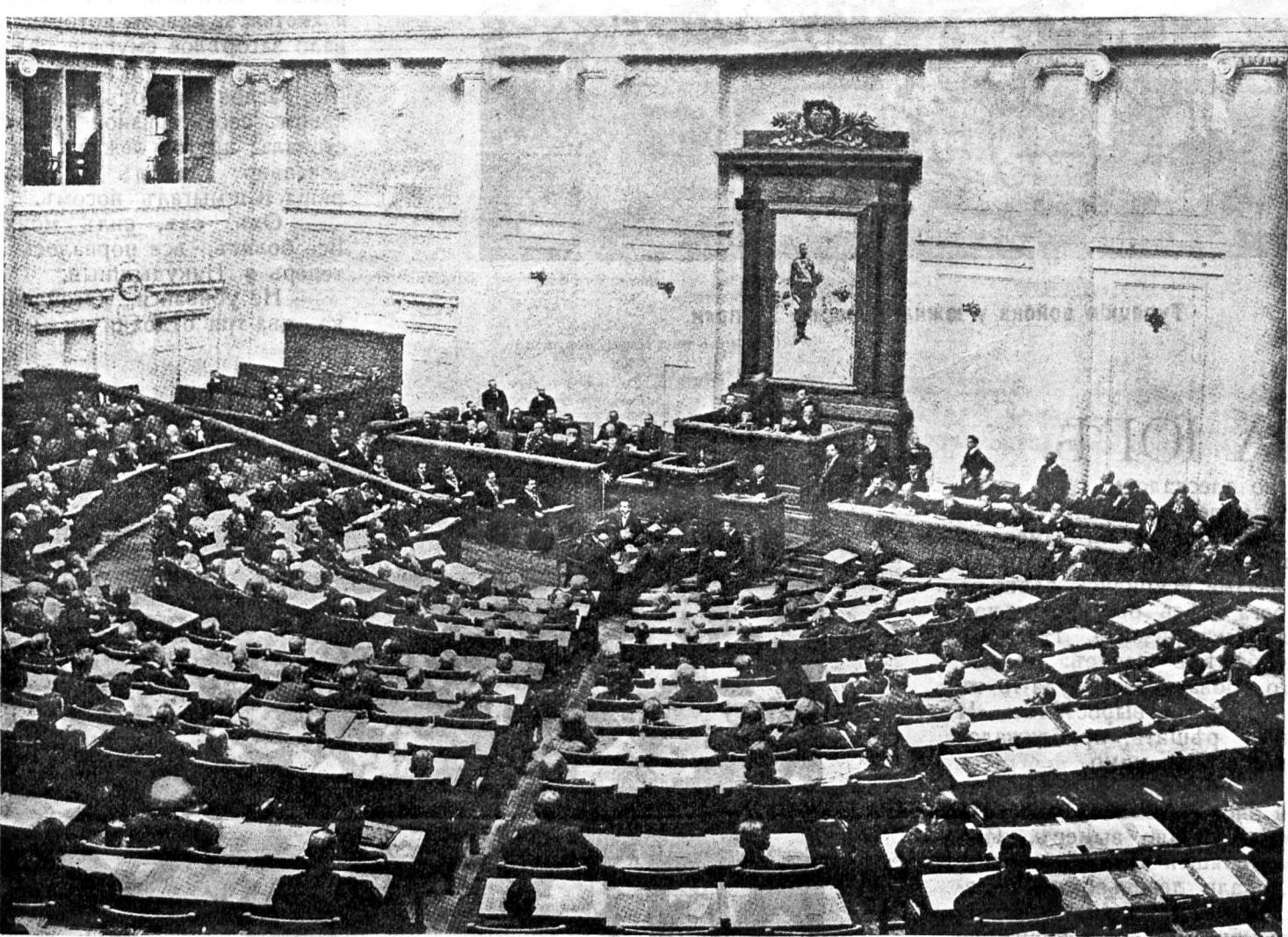

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 30-го Октября 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10442.

Открытие пятой сессии Государственной Думы. На министерскихъ мѣстахъ весь кабинетъ съ премьеромъ В. Н. Коковцевымъ во главѣ.

А. Е. Грузинский.

Нынѣшній предсѣдатель О-ва любителей русской словесности.

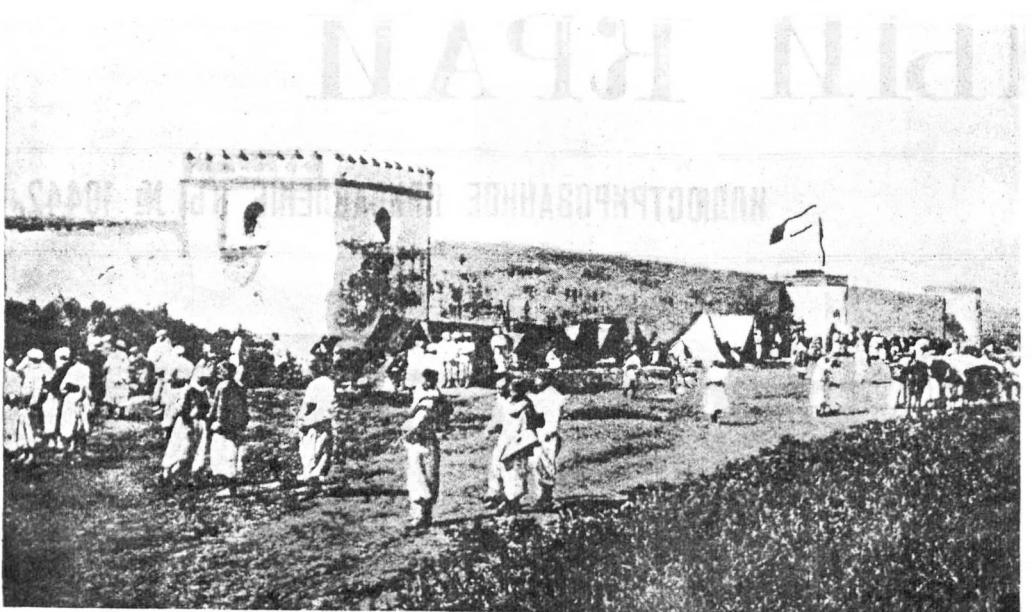
Алексѣй Андреевичъ Остроумовъ.

Новый попечитель Виленского учебного округа.

А. А. Прокоповичъ Антонскій.

Первый предсѣдатель О-ва любителей русской словесности.

Турецкая войска у южного форта Триполи.

(Снимок наш. спец. корресп.).

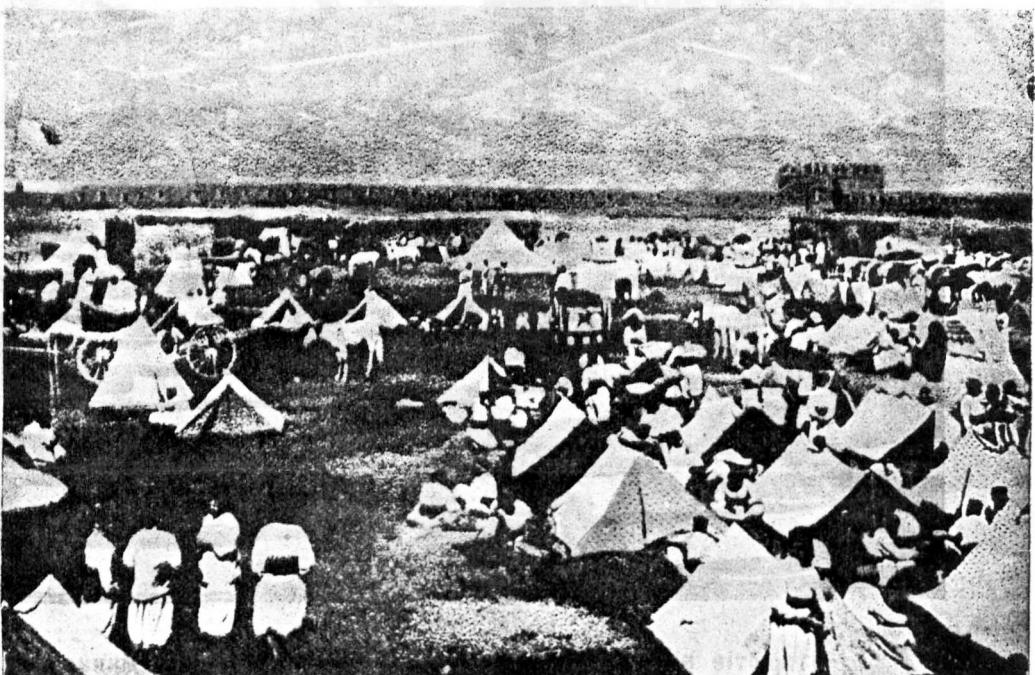
НА ЮГЪ.

Море легко плескалось.

Низенькия, маленькия волночки тихо ворковали и нѣжно лизали каменный берегъ, залитый солнцемъ. Сверкали огнями, алмазами искрились, слѣпили. Море у берега здѣсь было стальное, а тамъ, вдали у горизонта, гдѣ оно темно синее, бѣлѣль парусъ: то ныряль, будто проваливаясь куда-то въ бездну, то вдругъ выросталъ. И трудно было рѣшить, приближался онъ или проплыvalъ мимо.

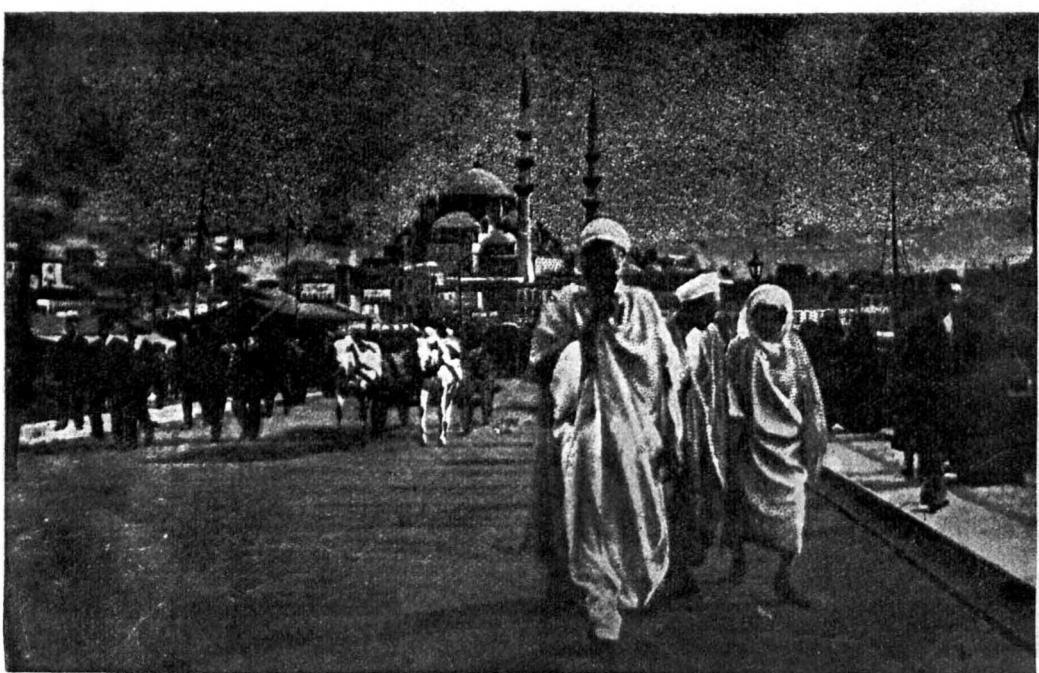
Маленький приморскій городокъ, накаленный знойнымъ послѣ полуденнымъ солнцемъ, точно вымеръ. Или спаль сномъ спящей красавицы: спали домики, спали деревья, спали зеленые виноградники. И такая тишина царствовала кругомъ. Даже птицъ не было ни видно, ни слышно.

Въ водѣ мирно колыхалось нѣсколько рыбакскихъ лодокъ; недвижимо стояли двѣ огромныя, неуклюжія фелюги съ арбузами. Подъ деревяннымъ навѣсомъ, прильпленнымъ къ досчатому

Турецко-арабскій лагерь у Тобрука.

(Снимок наш. спец. корресп.).

Триполійскіе шейхи возставшихъ племенъ, прибывшіе въ Стамбуль просить султана о сопротивлении и объявлении священной войны.

(Снимок наш. спец. корресп.).

трясущемуся помосту, изображавшему собою прислань—сидѣли два дремлющихъ старика—татарина въ бѣлыхъ чалмахъ, а саженяхъ въ 30 отъ пристани, тамъ, гдѣ берегъ въ видѣ мыса остроконечно вдавался въ море, вблизи ветхаго деревяннаго сараля для храненія товара, на выжженной солнцемъ землѣ лежали два грузчика. Огромные, мускулистые, обросшіе щетиной, въ живописныхъ лсхомъяхъ, сквозь которые проглядало загорѣлое смуглое тѣло.

Одинъ изъ нихъ лежалъ на спинѣ, заслонивши отъ солнца глаза рукавомъ своей грязной рубахи, и глухо стональ; другой лежалъ на животѣ, печально глядѣль на своего товарища и шмыгалъ носомъ.

— Охъ, схъ, силь моихъ нѣту... Все болитъ, все порвалось... Калѣка теперь я. Никудышный.

— Не убивайся... Огойдешь... Денька два-три отдохни—и какъ рукой

сниметь. Глянь, какая силища у тебя. Твоя силища все снесетъ.

— Э... знаю я... Пропащій, чувствуя хорошо. Лучше бъ ужъ смерть.

— А, помнишь, три мѣсяца-то назадъ этотъ турокъ, какъ его, Абдуль, надорвался тоже, какъ и ты, упалъ съ ящикомъ, да ящикомъ почижалъ твоего—съ гвоздями... Тоже думалъ—плохо дѣло... Ань нѣть,—какой здоровенныій теперь. Гора, впрямь гора... И какъ работаетъ еще—за миляя небеса...

— Абдуль самъ по себѣ, я самъ по себѣ... Знаю, конецъ силы моей. Вѣрное слово... Какъ сегодня съ ящикомъ этимъ упалъ, такъ и почуялъ: все внутри у меня порвалось, и сила моя, словно паръ какой-нибудь, такъ и вышла вся... И словно и руки, и ноги, и спина не мои... чужія... Вотъ только внутренности болятъ, жжетъ огнемъ... Охъ... охъ... не вмоготу...

Онъ стиснулъ крѣпко зубы и застональ снова. А товарищъ зашмыгалъ опять носомъ и замигалъ быстро печальными глазами, на которые навертывались слезы.

Вдругъ стонущій, сдѣлавши неч-

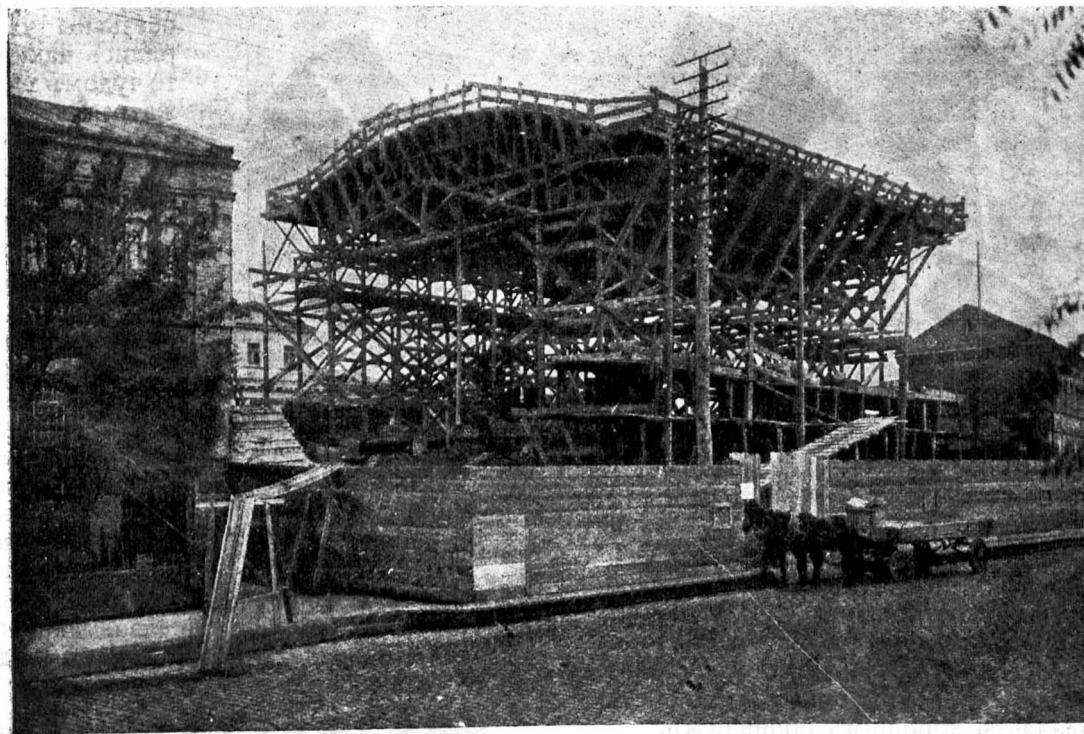
ловъческое усиление, повернулся на бокъ, лицомъ къ своему товарищу и закивалъ ему:

— Микита, придвинься ближе ко мнѣ... Слухай, мы съ тобой вмѣстѣ сколько ужъ лѣтъ валагдаемся—свыклились, сжились, словно братья. Знаешь меня хорошо. Знаешь, какой я человѣкъ: волю, просторъ люблю—я словно птица. Изъ деревни вотъ ушелъ и скитаюсь по свѣту—на мѣстѣ усидѣть не могу... И силу свою любилъ, гордился ею. И меня боялись, говорили про меня: „богатырь“, шапки ломали... А теперь калѣка я... Все пропало... Какая жизнь будетъ... Воля ушла—теперь хуже тюрьмы. Въ тюрьмѣ не вѣкъ сидишь, а коли и на вѣкъ посаженъ—надеждой живешь. А тутъ крышка: до смерти связанный... Да потомъ, не могу выносить, какъ дома стануть кускомъ хлѣба попрекать, да бабы плакаться будутъ, да всякой скажетъ: болѣзный, несчаст-

Группа профессоровъ харьковскаго университета передъ послѣднимъ засѣданіемъ совѣта подъ предсѣдательствомъ ректора Д. И. Багалья.

(По фотографии Михайловского).

Новое зданіе для дизель-моторовъ.

(Одновременно производятся постройка крыши и кладка стѣнъ).

ный человѣкъ... Слухай, исполни мою великую просьбу одну... Бога за тебя стану на томъ свѣтѣ молить... Столкни меня въ воду...

Товарищъ въ ужасѣ отшатнулся:

— Что ты, что?...

— Слезно молю... На колѣни сталь бы предъ тобой. Не могу жить... Не стану муки адскія терпѣть. А самому труднѣй, да и разбить я весь: какъ доползузъ.. Столкни меня въ воду—никто не узнаетъ, никто не увидитъ...

Товарищъ замахалъ руками:

— Ни, ни, ни... Не смѣй и говорить... Что я, душегубъ, что ли... Никогда, никогда... Своего друга такого...

— Такъ, стало быть, не хочешь помочь...

— Боже ты мой, да замолчи, да я скорѣй на себя руки наложу, чѣмъ тебя беззащитнаго...

— Ну такъ не мѣшай...

И онъ грузно перевалился на животъ, упавши пластомъ, и со стономъ поползъ къ обрыву. Товарищъ вскочилъ, какъ ужаленный, и бросился къ нему.

— Что ты задумалъ?...

Но тотъ яростно отмахнулся рукой и яростно крикнулъ.

— Не мѣшай. Не смѣй мѣшать!...

И поползъ дальше... Товарищъ, схватившись за голову, въ ужасѣ забѣгалъ вокругъ, причитывая:

— Ой, ой, ой!.. Боже ты мой, ну, Боже ты мой... Ой, ой, ой!..

И когда тотъ уже былъ на краю обрыва, стремительно опять бросился къ нему:

— Не смѣй, не смѣй!..

— Не мѣшать! такъ же яростно, какъ и въ первый разъ, крикнулъ

тотъ... А то прокляну... Только грѣхъ на душу возьму... Лучше наклонись ко мнѣ... Такъ вотъ. Ну, поцѣлуемся... Прощай... А теперь отойди... Ну, помни меня... Прощай...

И, сдѣлавши послѣднее усиление, онъ приподнялся на руки, на секунду повисъ надъ пропастью, а потомъ, взмахнувши ногами вверхъ, полетѣлъ внизъ головой въ море, разбившись головой о камни.

Товарищъ въ ужасѣ закричалъ что-то дикое...

А море по прежнему легко плескалось...

Низенькия, маленькия волночки тихо ворковали и нѣжно лизали каменистый берегъ, залитый солнцемъ. Сверкали алмазами, искрились, слѣпили... Маленький приморскій городишко, накаленный знонымъ послѣднѣмъ солнцемъ, спалъ...

И только два старика—татарина, дремавшіе подъ навѣсомъ на пристани, встревоженные крикомъ, вскочили на ноги.

В. Унковскій.

СМѢСЬ.

Танецъ безъ движений.

Въ Лондонѣ увлекаются сенсаціонной театральной новинкой—персидской красавицей-танцовщицей Оганионъ. Она исполняетъ свой собственный „танецъ безъ движений“. Въ этомъ танцѣ движения сведены почти на нуль.

Медленными шагами прекрасная танцовщица выходитъ на середину эстрады и подъ рыдающіе звуки скрипокъ склоняется на колѣни.

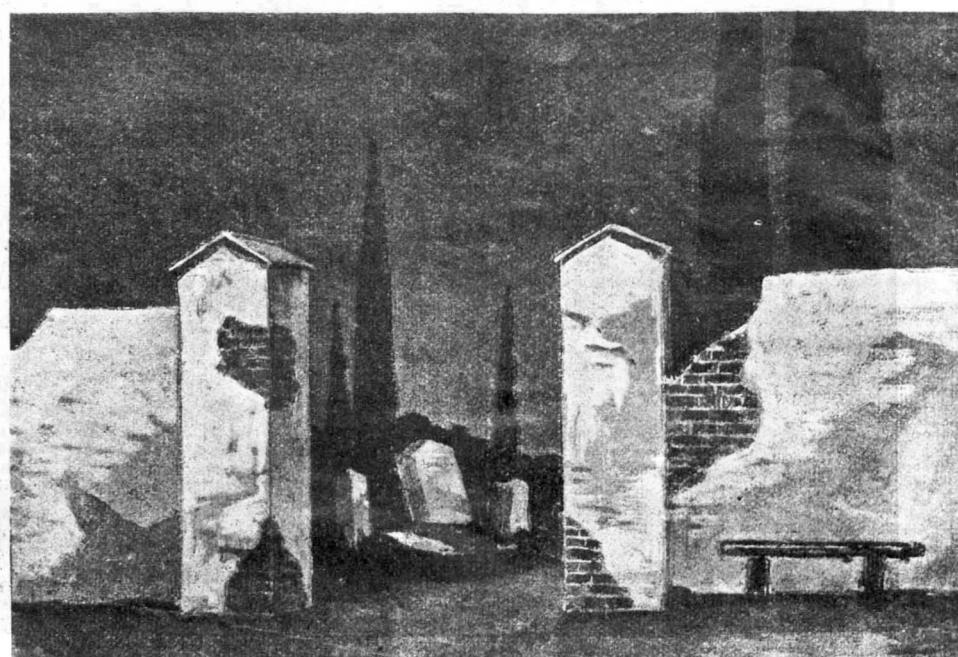
Послѣ этого начинается самый танецъ. Ея животъ приходитъ въ движение, трепещущія руки простираются впередъ и мечутся туда и сюда, точно охваченная ужасомъ, голова начинаетъ вздрогивать, и даже ея пышные, темные волосы принимаютъ участіе въ танцѣ, въ томъ танцѣ, внутренний пыль котораго только по временамъ

проявляется наружу въ формѣ негромкихъ вскрикиваний. Все такъ же медленно, подъ надрывающую душу музыку, танцовщица выпрямляется и опускаетъ лицо, на которое тяжело опускаются ея волосы. Затѣмъ она откидываетъ мягкимъ движениемъ волосы и продолжаетъ съюю странную пляску, пока, наконецъ, не падаетъ на коверь, испуская едва уловимый стонъ. Вдругъ она снова оживаетъ и гордо закидываетъ голову, а затѣмъ сейчасъ же поникаетъ и подъ музыку покидаетъ эстраду.

Танецъ этотъ называется: "Ночь у сultана", такъ какъ въ то время, какъ красавица танцуетъ, въ сторонѣ на эстрадѣ сидитъ актеръ, который подобно восточному деспоту, съ жаднымъ взоромъ слѣдить за движеними танцовщицы.

Запахъ болѣзней.

Мистеръ Генри-Ноаль въ своей брошюре даетъ указанія относительно запаха человѣческаго тѣла при различныхъ

Декорация шестой картины по эскизу художника П. И. Андрющева.

Шлойма
(г. Колобовъ).

Перецъ
(г. Эйке).

Лейбовичъ
(г. Соринъ).

Нейманъ
(г. Даниловъ).

Какой ты сегодня чистенький, Петя!
Вѣрно, ждете прїѣза бабушки?
— О, нѣтъ, я просто нашодилъ, и меня
Сѣвъ наказаніе вымыли.

Харьковъ. Типографія «Южнаго Края». Сумская ул., домъ А. А. Гозефовича, № 13.

болѣзняхъ. По его словамъ, существуютъ соотношенія между известными болѣзнями и запахами, такъ что опытный врачъ можетъ поставить диагнозъ съ закрытыми глазами, если обладаетъ хорошимъ обоняніемъ.

Короста даетъ себя знать тѣмъ, что она пахнетъ мышами, ревматизмъ издаетъ Ѣдкій, кислый запахъ, туберкулезный перитонитъ узнается по запаху мускуса, запахъ скисшаго пива характеризуетъ золотушныхъ больныхъ.

Эти патологические запахи очень разнообразны. Нѣкоторые женщины-невропатки издаютъ запахъ, фіалки или ананаса. Страдающіе размягченіемъ мозга издаютъ запахъ обыкновенно распространяемый лисицей. Перемежающаяся лихорадка даетъ запахъ свѣже испеченного хлѣба. Обыкновенная лихорадка—крѣпкій запахъ нашатыря.

Душевнѣ-больные люди имѣютъ очень непріятный запахъ. Больные скарлатиной издаютъ запахъ, напоминающій что-то среднее между зловоніемъ волчьей клѣтки и запахомъ старого испорченного сыра.

Больные оспой пахнутъ заплѣсневѣвшимъ хлѣбомъ. Больные краснухой

имѣютъ оригиналъ запахъ общипаннаго паренна гуся.

Докторъ Деламеръ наблюдалъ, что дыханіе дѣтей, которыхъ страдаютъ разстройствомъ желудка, напоминаетъ запахъ хлороформа.

Дождь изъ крысъ.

Недавно наблюдалось въ одномъ маленькомъ городкѣ Бурнусъ (Триполи) слѣдующее явленіе. Въ окрестностяхъ этого города, на горахъ, уже съ незапамятныхъ временъ пріогилось безчисленное множество крысъ и нѣсколько сотъ обезьянъ. На дняхъ въ этой мѣстности свирѣпствовалъ небывалый ураганъ, который пронесъ надъ горами цѣлую тучу пыли и камней и смѣль все, что жило на нихъ; только немногія сбезъяны ухитрились какимъ-то чудомъ удержаться въ вѣтвяхъ деревьевъ. Крысы же тысячами были подняты на воздухъ вѣтромъ, который и разсѣялъ ихъ затѣмъ по окрестностямъ Бурнуса. Кабилы, живущіе пососѣдству, пришли въ ужасъ при видѣ падающихъ съ неба крысъ, изъ которыхъ многія

были еще живы. Кабилы усмотрѣли въ этомъ вѣрное предзнаменование войны. Предзнаменованіе, какъ видите, скоро сбылось.

Да оставь же мои уши!—вѣдь, я не слышу того, что ты мнѣ кошишь.

И вѣдь яко мое вѣдѣніе отъ земли
Земля землю вѣдѣтъ, и земля вѣдѣтъ
Землю землю вѣдѣтъ, и земля вѣдѣтъ
Землю землю вѣдѣтъ, и земля вѣдѣтъ